

Как мужики остались без начальства

(сказка)

Стенька Заяц

1916

В некотором царстве, в некотором государстве открылась забастовка. Сидел Иван в городе без дела и решил домой в деревню идти. Сложил пожитки в котомку, привязал её на-крест бичевками за спину и пошел. Только вышел на дворянскую улицу, как вдруг навстречу ему черная сотня. Рожи зверские, во всю глотку какое-то песнопение орут, впереди портрет несут, а на портрете черт сидит, хвостом помахивает и зубы от радости скалит.

— Шапку долой! — кричат.

Обидно стало Ивану перед чертом шапку снимать. Однако, делать нечего. Но не успел Иван шапку снять, как выскочили из переулка забастовщики, и пошла потасовка. В свалке кто-то Ивана портретом по башке хватил, так что тряпка прорвалась, а рама как хомут на шее повисла; черт же, что на портрете сидел, как раз Ивану в котомку угодил. Пять верст Иван от испуга с рамкой на шее бежал. Наконец остановился, голову из хомута вынул, и тут только заметил, что кто-то в котомке топорщится, а вылезти не может: перекрещенные бичевки мешают. Заглянул, а там черт. Хотел Иван его перекрестить, а черт взмолился:

— Не крести меня, а развяжи бичевки и на волю меня выпусти, а я тебе за это верную службу сослужу.

— Какую службу ты можешь мне сослужить? — возразил Иван. — Ты мал и плюгав: ни тебя в соху запречь, ни тебя косить заставить.

— А такую службу, что как скажешь ты кому-нибудь: «чтоб тебя чёрт взял!» — так я его в ту же минуту в ад и уволеку. И так до шести раз.

Подумал Иван и говорит:

— Ладно! Это мне пригодится.

И развязал котомку. Черт выскочил, сел на корточки и стал прихорашиваться и облизываться, как кот.

— Только помни, говорит, коли праведный человек попадетсЯ — нет моей власти над ним. И еще помни: за шестым разом и тебя самого уволеку.

Сказал и провалился сквозь землю. Только серой в воздухе запахло.

Подвязал Иван котомку и зашагал посвистывая ко двору. Приходит в самое село, вот уже и изба его недалеко; как вдруг видит, — жена из избы выбегает, сама плачет,

а за нею пятеро ребятишек мал-мала-меньше, тоже все плачут. Испугался Иван — что, думает, за притча? А жена увидала его и еще пуще заголосила.

— Горькие мы, Иванушка! Приехал становой и урядник, а с ними три стражника, и хотят корову увести за недоимки.

Усмехнулся Иван, вспомнил про черта и думает: «Погоди! покажу я вам ужо корову!» И рассказал он жене про свой разговор с нечистым.

— Вот поглядишь, женушка, как их черти поволокут.

А старший брат Ивана, Степан, стоит на крылечке своего трактира и слушает. Прислушал рассказ Ивана и говорит:

— Дурак ты, дурак, Иван! Сразу видно, что дурак. Как это ты хочешь послать к черту начальство! А кто же без стражников и станового мой трактир охранять будет? После этого придет всякая пьяная рожа и все вино у меня вылакает, а я ее и в каталажку посадить не могу! А лавка? товаров то, погляди — все полки до-верху завалены. Что ж, по твоему, иди всякий, у кого окромя креста на теле ничего нет, и бери, сколько душеньке угодно?

— Чай трактир то и лавка твои, а не мои. Ты и обнимайся со становым! Жулику то у меня нечего украсть, а вот староста да становой каждогодно грабят на подати все, что ни заработаю. Грабят, а никто их в каталажку не сажает.

— Дурак ты, дурак, Иван. Сразу видно, что дурак. Как же так можно податей не собирать? Царя-то батюшку содержать нужно? А царицу, а царских детей, братьев, дядей, племянников, зятьев, деверей, свояков содержать надо? А сенаторов, министров, губернаторов, пятьсот тысяч чиновников содержать надо?

— А зачем мне их содержать?

— Как, зачем? А как бы ты стал жить без начальства?

— Все так же бы землю пахал, только сытее был бы.

— Вот так сытее!.. Ты бы напахал, а без начальства пришли бы золоторотцы-босяки, и отняли бы твое кровное.

— Коли б с мужика не спустили семи шкур, да не спаивали-б его казенным вином, он бы и в золоторотцы не пошел, а все так же бы, как и я, землю пахал и сыт был.

— Ну, что с тобой, дураком, разговаривать.

Рассердился Степан и ушел к себе в трактир, а Иван пошел к себе в избу. В избе сидел становой с урядником и три стражника.

— Ну что, собачий сын, — закричал становой, как только Иван вошел, — будешь платить подати?

— А скажите, ваше благородие, на какие такие дела пойдут мои подати и какое вы имеете полное право забирать мою корову, когда у меня пять человек ребятишек?

— Ты еще и раз разговариваешь, мерзавец! — закричал становой и дал Ивану по зубам. — Ну-ка, ребята, насыпьте ему, как следует!

Стражники схватили Ивана за руки и за ноги, разложили на скамейке. У Ивана от испуга в голове было помутилось, но как ему вlepили десяток нагаек, он сразу вспомнил про черта и заорал благим матом:

— Повались вы все к черту, окаянные!

Только что он это сказал, расселся пол в избе, за клубилось пламя, выскочили черти багровые, схватили станового, урядника и стражников поперек тела и поволокли в

преисподнюю. Не успел Иван глазом мигнуть, как изба уже была пуста, только долго еще потом в избе серой пахло.

Заплясал Иван от радости, стал мужиков скликать:

— Радуйтесь православные, станowego и стражников черти взяли!

Обрадовались мужики и решили отслужить молебен с водосвятием по случаю избавления от начальства. Послали Ивана за попом. Пришел Иван к попу. Так и так, говорит, забрали черти начальство; по такому случаю просят вас мужички молебен отслужить.

Не поверил поп. «Не может того быть, говорит, чтобы черти начальство забрали, сущья же власти от Бога учинены суть».

— И черти, батюшка, тоже от Бога установлены, и как они тоже есть начальство над грешниками, почему им не забрать станowego да урядника? Неужто они праведники?

— Ты, я вижу, дурак, да еще и крамольник. Уж помяни мое слово: гореть тебе в вечном огне. Пошел вот, болван! Собери сначала десять рублей, тогда и молебен отслужу.

— Гореть ли мне в адском огне или нет — это бабушка надвое сказала. А вот ты, батька, я вижу, руку станowego и урядника держишь, да и обдираешь не хуже их. Как бы я и тебя к черту не послал!

— Это меня-то к черту? А кто же вас будет крестить, венчать, хоронить?

Задумался Иван — дело выходит дрянь. Кто же взаправду будет венчать и хоронить, разве дьячек? Так у него волосы короткие и рясы нет. Оно, положим, можно волосы отрастить и рясу надеть, — тогда опять выйдет поп. Думал, думал Иван и додумался: «давай, попробую, пошлю попа к черту. Коли он праведный человек, черт его не возьмет, а коли возьмет, погляжу-ка я, что из этого выйдет — пропадет народ без попа, али лучше прежнего заживет. Коль пропадать начнет, можно из дьячка попа сделать». Решил так Иван и говорит попу:

— Вот что я тебе, батька, скажу. Кормишься ты около мужиков, и радоваться ты должен нашей радостью, и печалиться нашей печалью, а не держать руку начальства. Ступай сейчас задаром молебен служить, а не то нам такого попа вовсе не надо...

— Молебен задаром! Да я тебя, сякого, такого сына за такие слова к причастию не допущу, от церкви отлучу, прокляну!

— А коли так, то ступай ты к черту.

Не успел Иван оглянуться, как разверзся пол, за клубилось пламя, выскочил черт, схватил попа поперек тела и уволок его в ад.

Приздумался Иван, пришел к мужикам: «так и так, говорит, не захотел поп задаром молебна служить, я и послал его к черту, а черт его и забрал. Давайте, мужики, попробуем, можно ли без попа жить?».

Приздумались мужики, кто пригорюнился, кто обрадовался, однако долго о попе тужить не стали. Была у мужиков другая забота, где бы землицы раздобыть. Земли кругом села было столько, что с утра до вечера от края до края не дойдешь, да только вся земля была помещичья, а мужикам только по пол-десятины на душу приходилось, и «не токма скотину, куренка выгнать было некуда».

И говорит Иван:

— Православные, доколе терпеть мы будем? Почему мы работаем от зари до зари и никогда сыты не бываем, а помещик ничего никогда не делает, а весь день выпивает

да закусывает? Пойдем-ка к нему да расспросим, правильно ли он своими землями владеет?

Приходят мужики к помещику. Сидит помещик за столом, выпивает и закусывает. Вышел Иван вперед и говорит:

— Скажи-ка нам, барин, почему это ты палец о палец весь день не ударишь, а всегда сыт и пьян и нос в табаке, а мы от зари до зари работаем, а никогда сыты не бываем?

— А потому, — отвечает барин, — что вы мужики-дураки, а мой дедушка при царице Меликтрисе лакеем состоял; хорошо угождать ей умел, зато земли получил, а теперь я их вам по пятнадцати рублей за десятину сдаю и хороший доход имею.

— Так царица, говоришь, подарила... А царица откуда землю взяла, чтобы дарить ее, сама что ли сделала?

— Не царица землю сделала, а Бог сотворил.

— А коли Бог сотворил, значит земля божья, а коли божья, так почему же у тебя ее многие тысячи, а у меня на одну упряжку пахать?

— Что с вами, дураки, толковать! Земля есть моя собственность, у меня на нее есть грамота. А если вы бунтовать хотите, так я сейчас же к царю гонца пошлю, и он полк солдат сюда вышлет, мою собственность защищать.

— Бунтовать мы не хотим, а хотим, чтобы у каждого земли было столько, сколько он сам запахать может, чтобы все было по-божьему, по-хорошему. И тебя, барин, не обидим: выбирай самую лучшую землю, запрягай самую лучшую лошадь, и паши себе, сколько душеньке угодно. Все, что запашешь, — твое будет, только и нам не мешай.

Рассердился барин:

— Это чтобы я, столбовой дворянин, белая кость, да стал бы свои руки около сохи пачкать! Да я вас, мерзавцев, за такие слова всех перепороть велю!

И послал гонца к царю за солдатами. Рассердился Иван. — А коли так, говорит, так ступай же и ты к черту!

Не успели мужики глазом мигнуть, как расселся пол в комнате, за клубилось пламя, выскочили черти багровые, схватили помещика и уволокли его в ад.

А мужики запрягли сохи и поехали в поле, помещичью землю запахивать.

Не успели мужики и по десяти борозд сделать, как слышат — из пушек стреляют. Глядят, а их село уже с четырех концов горит. Побросали мужики сохи, побежали в село. Прибегают и видят, что царские солдаты уже пришли, баб и ребятишек, как воробьев стреляют, избы поджигают.

Окружили солдаты мужиков, и, как стадо, погнали к волости. На крыльцо вышел генерал и такую речь к мужикам держал:

— Вы, мерзавцы, бунтовать вздумали, станowego, попа и помещика убили, землю барскую запахали! Всех перепорю, а через десятого расстреляю.

Солдаты набросились на мужиков, стали их без жалости пороть, а через десятого к плетню возжами привязали, расстреливать собрались. В десятые и Иван попал и говорит солдатам:

— Что вы, братцы, делаете? За что нас жизни решить хотите? Разве вы не такие же мужики, как мы? Чай и вас мать родила.

— Наши матки — белые палатки, — отвечали солдаты.

— Братцы, — продолжал Иван, — и вас начальство мучает не хуже нашего, и по морде бьет, и розгами дерет, а вы начальство слушаете и с своим-же братом-мужиком воюете. И у вас небось дома жены остались; если нас не жалуете, наших баб пожалейте.

— Наши жены — ружья заряжены, — отвечали солдаты.

Поглядел Иван на солдат: весь полк молодец к молодцу. Жалко ему стало их всех к черту в лапы отдать, и в последний раз Иван говорит им:

— Братцы солдаты, бросьте ваши ружья, будем вместе землю пахать, да добро наживать. Барской земли на всех хватит. Подумайте о смертном часе, подумайте о детях ваших, и им земли надо. Какой ответ им держать станете, когда спросят они вас: а что вы сделали с мужиками, которые землю от господ и купцов отобрали, и для себя и для нас припасти хотели?

— Наши детки — пули метки, вот где наши детки, — отвечали солдаты, и уже подняли ружья и стали целить прямо в сердце Ивану.

Понял тут Иван, что мужики только тогда землю и волю добудут, когда всех солдат черти возьмут.

— Ну, коли так, ступайте вы ко всем чертям, окаянные, вместе с вашим генералом! — закричал Иван громким голосом.

И не успели солдаты курков спустить, как разверзлась земля на целую десятину в окружности, заклубилось пламя, и провалился в преисподнюю весь полк с пушками и со знаменем, а вместе с ними провалилось и волостное правление с генералом; осталась от генерала одна только шпора, за ивовые корешки зацепилась.

И остались мужики на свете без всякого начальства, даже старшина со старостой и те провалились вместе с волостьюю.

Пригорюнились мужики: как то мы без начальства проживем? Особливо старики затужили: пропадем говорят, без начальства, как японец под Артуром. Однако, недолго горевали: была у мужиков другая забота. Нужно было барскую землю и барский лес делить.

— Это-то мы и без старосты сумеем! — сказали мужики и пошли делить. Досталось на двор по двадцати десятин пахоты с лугом, да по пяти лесу. Стали мужики жить да поживать, каждый свою полосу пахал и свой лес сводил. Только иной работал, а иной только лес сводил да продавал, а потом, глядишь, и землю хозяйственному мужику за ведро водки продал и сам же к нему в батраки поступил: свою же землю обрабатывает, а хозяйственный мужик доходы получает. А иные и водки не пили, а заболели, или умер хозяин, одна баба с детьми осталась, — у тех хозяйственные мужики землю к рукам прибрали, а баб и ребят за батраков работать заставили. Много ли, мало ли прошло времени, только не успел Иван оглянуться, как старший брат Степан и его землю к рукам прибрал (Иван тоже был не дурак выпить) и на себя работать заставил. Завели хозяйственные мужики своих урядников и стражников свое добро охранять, и они не хуже царских слуг мужиков по морде били.

Видит Иван — не лучше прежнего жить стало. Собрались к нему однажды такие же голоштанники, как и он, и говорят: «А что, брат Иван, не послать ли нам к черту хозяйственных мужиков, да и разделить ли опять землю и все прочее с равнением по душам?»

— Так-то так, — отвечает Иван. — Послать к черту не трудно, да какой толк из этого выйдет? Рад поделили — лучше жить не стало; другой раз поделим — на одно выйдет. А я уж и так четыре раза черта утруждал, а за шестым разом он и меня самого заберет. Пошлем-ка лучше ходоков по белу свету: пусть найдут нам такого мудреца, который научил бы нас, как жизнь по-хорошему устроить, чтоб не было ни бедных, ни богатых, чтобы всего у всех было вдоволь, и чтобы никто никого притеснить не мог.

Согласились мужики, выбрали трех ходоков и послали по белу свету мудреца искать.

И трех дней не прошло, приходят ходоки обратно.

— Привели, говорят, мудреца; больно мудрено зовут, натошак не выговоришь.

Собрался сход: выходит молодец: брюки на выпуск, в синей косоворотке, а поверх косоворотки пиджак надет. — «Я, говорит, социалдемократ, сиречь Эс-Дек. Вы правильно сделали, что за мной прислали, только я один и могу в некотором царстве хорошие порядки завести».

Обрадовались мужики, что правильного человека нашли, развесили уши, слушают.

— Это очень даже хорошо, — говорит социалдемократ, — что у вас хозяйственные мужики землю к рукам прибрали и народ батраками сделали. Только одно, говорит, плохо, что не все еще батраками сделались, и что больно много у вас хозяйственных мужиков. Вот когда они друг дружку слопают, и у вас на селе будет только один кулак, а все остальные будут батраками, тогда он вас научит землю обрабатывать, не деля по душам. А как только научит, вы его к черту пошлете, и все тогда само собой образуется, а до тех пор никакого толку не выйдет, сколько бы раз вы не делили между собой землю и все прочее.

В грусть Ивана ударило от речей Эс-Дека.

— А когда же, — спрашивает он, — все это само собой образуется?

— Лет этак через сто, если ничто не помешает, а может и боле. Сначала нужно, чтобы «классовые противоречия» развились.

Досадно стало Ивану от непонятных речей.

— Через сто лет, говорит, из меня лопух вырастет.

— Зато твоим правнукам хорошо будет.

— Ступай ты к черту со своими правнуками! — сказал Иван и спохватился. Не хотел он зла демократу, нечаянно слово с языка сорвалось. Однако, ничего не поделаешь: слово не воробей, вылетит, не поймаешь. Откуда ни взялся черт, взял социала под руку и повел любезно в преисподнюю. Стал было демократ упираться: «Что я, говорит, у вас в преисподней делать буду? К тому же не имеете права меня в ад тащить, потому — я праведный человек.

Замаялся черт, хотел было уже демократа на земле оставить, однако по лукавой привычке попробовал соблазнить: — Пойдем, брат Эс-Дек, чего тут упираться? И у нас, говорит, в аду между чертями классовых противоречий тоже не оберешься.

— А коли так, — и в аду дело найдется, — обрадовался демократ и пошел с чертом в ад, припеваючи.

Худого мужики не желали демократу, однако и жалеть долго не стали. Другая у них была забота: опять снарядили ходоков по белу свету мудреца искать, который

бы научил, как жизнь по хорошему устроить, чтобы не было ни бедных, ни богатых, чтобы всем всего было вдоволь и чтобы никто никого притеснить не мог.

Не долго ходили ходоки, и трех дней не прошло, приводят мудреца; имени тоже, говорят, натошак не выговоришь. Собрали сход; выходит на середину мудрец: едва усы пробиваются, в высоких сапогах, коротенькая курточка, а на голове папаха.

— Я, — говорит, — социалист-революционер, сиречь Эс-Эр. Это вы правильно, мужики, сделали, что за мной прислали, только я один и могу в некотором царстве хорошие порядки завести.

Обрадовались мужички, что правильного человека нашли, развесили уши и слушают.

— Долго разговаривать здесь нечего. Берите вилы, топоры, дреколья — и марш за мной хозяйственных мужичков экспроприировать, сиречь землю, скотину и всякий инструмент отбирать. Которые добром отдадут, пусть с нами в одну компанию идут, а которые миру противиться станут, тех можно и того...

Смекнули мужики. Мигом дело справили; которые добром свое отдали, тех в компанию взяли, а которые против мира пошли, с теми по-своему расправились.

Кончили и спрашивают Эс-Эра:

— Что же дальше делать? Неужто опять по душам с равнением делить?

— Нет, — говорит Эс-Эр, — ничего делить не надо. Пусть и земля, и скот, и сохи, и бороны — все будет мирское, нераздельное, и работать будем сообща и все сработанное складывать в общественный магазин, а из него уже потом каждый получит по трудам своим. Только об этом мы потом поговорим. А прежде всего нужно начальство избрать и новые законы написать.

— Как начальство? — завопили мужики. — Не надо нам начальства, довольно мы от него горя натерпелись. Опять в кабалу идти не хотим!

— Дурачье, — отвечал Эс-Эр. — То было начальство от царя поставленное, жулик на жулике, а теперь вы сами, кого захотите, того и выберете по большинству голосов. Ну, нечего даром время терять, берите каждый по картошке, давайте начальство выбирать.

Взяли мужики каждый по картошке, закрыли ветошкой два ведра и стали бросать в них по очереди картошки. У кого направо больше, тот выбран, у кого налево — тот нет. Навыбирали начальства видимо-невидимо: и старшину, и старосту, и станового, и урядника, и судью, и тюремного надзирателя — всех не пересчитаешь, чуть не половина народа в выборные попала, даже сторож при каталажке и тот был выборный.

— Теперь, — говорит Эс-Эр, — как вы насчет попа полагаете? Выбрать попа, или без попа проживете?

Тут только вспомнили мужики, что с тех пор, как царские солдаты церковь сожгли, они о попе ни разу и не вспомнили; и без попа люди родились и умирали, не хуже и не лучше прежнего. Почесали мужики в затылках и говорят:

— Повременим еще маленько без попа, поглядим, что дальше выйдет.

— Ладно, — говорит Эс-Эр. — Ну, теперь вы начальство выбрали, и заботиться вам больше не о чем. Начальство вами будет управлять, а вы будете всем миром сообща работать. А как работать, с чего начать и чем кончить, чего нельзя и что можно — обо всем этом ваше выборное начальство, рассудивши промеж себя, закон напишет. А

кто закона исполнять не станет, того судья в каталажку засадит. Ну, а затем прощайте; мне нужно идти в других местах порядок заводить.

Стали мужики по новым законам жить. Сначала дело не плохо шло. Стали сообща пахать паровым плугом, косить и жать косилками и жатками, молотить паровой молотилкою. Урожай сам-двадцать и сам-тридцать собирали, все в общественный магазин складывали, а потом начальство по своему усмотрению делило. Нечего жаловаться, никто голодным не оставался. Досадно было только мужикам, что новое начальство само ничего не делало, а лучшие куски себе откладывало. И хоть начальство было выборное, однако стали мужики замечать, что оно не хуже прежнего, царского, мужика притеснить норовит. И чудное дело! Начальники, пока их в начальство не выбирали, хорошие, душевные люди были, а только в начальство попадут, мундир наденут — так и остервеются!

Не много прошло времени — привыкли мужики к сытости, и стало им одной сытости мало. Собралось десять мужиков к начальству и говорят: «Желаем себе сады развести, чтобы у нас яблоки и груши были».

Выслушал начальник. — Нет, говорит такого закона, чтобы сады разводить. Мужик должен землю пахать. Однако, скликайте сход, пусть мир решает, разводить вам сады или нет.

Собрали мир. Которые говорят: «да», которые «нет», «на кой нам сады, только мирскую землю занимать». Последних оказалось, однако, больше, и не разрешили десяти мужикам сады развести.

— Довольно с вас и картошки, а не послушаетесь, можно и в каталажку посадить, на то у нас и начальство есть.

Смирились мужики, однако злобу в сердце затаили и к начальству, и к миру.

В другой раз собралось десять парней. — Хотим, говорят, высшим наукам учиться, учителя себе для этого желаем пригласить.

Испугалось начальство: трудно будет над учеными парнями начальствовать. Однако говорят: — Соберите мир, как мир скажет. А нашего нет на то согласия.

Опять собрался мир. Порешили: отцы без высших наук прожили, и мы проживем. Довольно парням, что их читать, писать учат. Нечего тут еще лишних учителей приглашать, мирской хлеб зря изводить.

Смирились парни, однако злобу в душе затаили.

В третий раз стали старосту выбирать. Кого ни станут выбирать, половина желает, половина нет. Наконец выбрали одного. На один голос у него больше оказалось. А остальные говорят: «Не желаем мы ему покоряться, не мы его выбирали».

— А коли кто с большинством не согласен, того можно и в каталажку посадить.

— Да какое там большинство! У вас всего одним человеком больше.

— Мало ли что! Сказано по закону, по большинству голосов все решать. А не хотите слушаться, так на этот случай у нас староста и полицейские есть. Староста! распорядись-ка с ними по закону!

Распорядился староста, позвал пристава и стражников и велел меньшинство нагайками разогнать. Разбежались мужики, однако злобу в сердце затаили.

И чем дальше, тем хуже дела пошли. За что бы кто ни взялся, либо начальство, либо мир поперек дороги стоят. Озлобились мужики, ссоры да драки каждый день пошли; пришлось еще одного судью и станового выбрать и новую тюрьму построить.

Видят — дело не ладно: не лучше прежнего стало жить. Собрались опять на сход и единогласно постановили послать опять ходоков по белу свету нового мудреца искать, который бы научил, как жизнь по-хорошему устроить, чтобы не было ни бедных, ни богатых, чтобы всего у всех было вдоволь, и чтобы никто никого притеснить не мог.

Девять дней и девять ночей ходили ходоки по белу свету. Наконец, приходят.

— Нашли, говорят, самого настоящего мудреца.

Собрался сход, глядят мужики, удивляются; человек, как и все прочие, не хуже, не лучше других. И одет, как все прочие, ничем от других не отличается.

— Я, говорит, анархист. Хотите верьте, хотите нет, а только вот что я вам скажу: до тех пор человек не будет счастлив и свободен на земле, пока у одних людей будет власть на другими. Для того, кого начальство прижимает и жить по своей воле не дает, все равно, царем ли оно поставлено или миром.

— Всюду, где есть богатые и бедные, начальство норовит держать руку богатых и прижимать бедных. Говорили всегда, что без начальства люди друг друга перережут, передушат, никому житья не будет. А на поверку выходит, что начальство никому житья не дает. Везде есть судьи, полиция, урядники, городовые и нигде они не помешали вору украсть, а разбойнику убить. Легче, что ли, людям от того, что вора засадят в тюрьму, а разбойника отошлют в каторгу. Нет, не легче, потому что в тюрьме и на каторге есть начальники и надзиратели и всех их, как и арестантов, нужно содержать на мирской счет. А чтобы судить и ловить воров и грабителей, нужно миру иметь судей и полицейских и всякое другое начальство. Выходит, что на воров и грабителей в один год больше уходит, чем они за всю жизнь украсть могут.

— Люди пашут, сеют, дома строят, одежду шьют. От их работы польза. А какая польза от начальства? Если все работают сообща, складывают сработанное в одно место, и потом каждый берет, что ему нужно, то и воров не может быть.

— Говорят, без начальства порядка не будет, несогласия пойдут.

— И это правда. Начальство может с несогласными справиться силой, да только озлобить их. Кто побоится открыто идти против начальства, будет мутить исподтишка, — какое же это согласие? Как только злоба и обида растет против начальства и против мира, так и работа идет хуже у тех, кто обижен. А жить и работать вместе можно только по доброму согласию. Никого не надо понуждать, да и себя не надо в обиду давать.

Опять скажут: а если кто ленив работать, что с ним делать? Давать ему пропитание задаром на мирской счет, что ли? Да, если ленивый в тюрьме сидит, или подаянием кормится, он на мирской счет живет; только еще дороже его прокормить стоит, потому что, когда есть тюрьма, то есть и начальство. И выходит, что народ от ленивых не избавляется, да еще кормит на придачу целую свору начальства — бездельников, которые будто бы делом занимаются. И эти тунеядцы еще норовят самые лакомые куски захватить: мы, дескать, начальство, мы закон охраняем. А закон всегда таков, что богатому от него хорошо, а бедному обида, начальнику защита, а народу притеснение.

Пошлите же раз навсегда к черту всех судей, полицейских, старшин и старост вместе с их законами!

— К черту, к черту — зашумели мужики. — Ну-ка, Иван, распорядись по своему.

Хотел было Иван сгоряча все выборное начальство к черту послать, да хорошо, вовремя опомнился.

— Не погубите душу, православные! Ведь я уж пять раз чёрта беспокоил; за шестым он и меня в преисподнюю уволочит!...

Пригорюнились мужики.

Что теперь с начальством поделаешь? Добром ни один заяц от власти не откажется...

— Не горюйте братцы! — Сказал Иван. — Мы и без черта обойдемся. Подите ка, разденьте до гола всё ваше начальство и поглядите, что из этого выйдет.

Сказано, сделано: раздели мужики судей, полицейских, старшин и старост, снимали с них мундиры, знаки, эполеты и сожгли.

И чудное дело: сколько голые начальники ни шумели, сколько ни горячились, никто их больше не боялся. Чем больше сердилось раздетое начальство, тем смешнее было мужикам. Увидали начальники, что ничего не поделаешь, на том и успокоились, и вместе с прочими землю пахать стали.

Сожгли мужики и все законы, а также и те, коими все дела по большинству голосов миром решать предписывалось. И никто никого с тех пор ни к чему принуждать силой не мог, жили и работали по доброй воле и по совести. Все мужики без начальства знали, что земля кормилица не накормит, если к ней рук не приложишь и работали как и в старые годы. Кто за землей ходить не мог, другую работу делал: здоровому человеку нельзя без работы жить; тело слабеет. Кто хотел, сады разводил, кто хотел — наукам учился; кто что хотел, тот то и делал, кто сколько мог, столько работал. Никто на других не работал, если своей надобности в том не видел, но и других на себя работать не заставлял.

А хлеба, одежды и разных припасов из общественного магазина каждый брал, сколько нужно. Соседи не подглядывали, не взял ли кто лишнего, не подсчитывали, кто сколько сработал. Жили все без свар без споров и злобы, и радовались, что хоть за третьим разом навсегда от начальства избавились.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Стенька Заяц
Как мужики остались без начальства
(сказка)
1916

Второе издание. Издание издательской группы «Голос труда», Нью-Йорк, 1916

ru.theanarchistlibrary.org